

Английский язык

Библиотека в школе

Биология

География

Дошкольное образование

Здоровье детей

Информатика

**Воспитание
Образование
Педагогика**

№4/2006

Искусство

История

Литература

Математика

Начальная школа

Немецкий язык

Русский язык

Спорт в школе

Управление школой

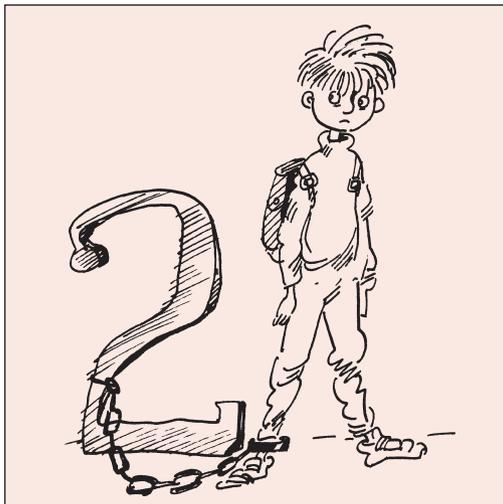
Физика

Французский язык

Химия

Школьный психолог

ВЯЧЕСЛАВ БУКАТОВ,
МАРИЯ ГАНЬКИНА

Школьная оценка

Режиссура школьной
повседневности
в невыдуманных рассказах,
неожиданных советах
и нескучных рекомендациях

БИБЛИОТЕЧКА «ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ»
Серия «Воспитание. Образование. Педагогика»
Выпуск 4

**Вячеслав Букатов,
Мария Ганькина**

ШКОЛЬНАЯ ОЦЕНКА

*Режиссура школьной повседневности
в невыдуманных рассказах, неожиданных советах
и нескучных рекомендациях*

Москва
Чистые пруды
2006

Содержание

Напутствие читателям	4
ТОНКИЙ ИНСТРУМЕНТ В РУКАХ УЧИТЕЛЯ	5
<i>Инструкция по “технике безопасности” от М. Ганькиной</i>	
Что оцениваем	5
Профессиональные запреты	6
Кто “первое”	6
Отдай судейскую роль	7
Три с двумя плюсами	8
Без особого пиетета	9
ДЕТИ И РОДИТЕЛИ НА ФОНЕ ШКОЛЬНОЙ ОЦЕНКИ	9
<i>Педагогические зарисовки учительницы английского А. Пахомовой</i>	
Наташа – 9. Коля – 10. Артем – 11. Разговоры в учительской – 11.	
ХВАЛИ С УМОМ	12
<i>Психолого-педагогические ориентиры от А. Ершовой</i>	
О преодолении препятствий	12
О горечи побед	12
О насыщенности урока	13
О радости огорчений	13
О реальности счастья на уроке	14
ПЯТЬ С КРЕСТОМ	14
<i>Из размышлений учителя литературы С. Плахотникова</i>	
ОЦЕНКА ОТМЕТКЕ РОЗНЬ	18
<i>Пolemические заметки известной московской учительницы Л. Филякиной</i>	
Флажки и рожицы – 18. Плеть или оценка труда? – 19.	
Как это – без ошибок? – 19. Рука поддерживающая,	
а не карающая – 20. “А если он не хочет?” – 20.	
КОНТУРНАЯ КАРТА ШКОЛЬНЫХ ОТМЕТОК	21
<i>Выстраданное мнение учительницы старшего поколения О. Палёновой</i>	
В чем опасность – 21. Первый опыт самопознания – 22.	
Игра без правил – 22. Повод к действию – 24.	
ТРИ ПИШЕМ – ДВА В УМЕ?	24
<i>“Рацпредложение” от учителя физики В. Егорова</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАШИЛКИ	27
<i>Записанные М. Ганькиной со слов учителей и родителей</i>	
Давай живот!	27
Борьба за миллиметры	28
Задуманным голосом	28
Спорим на “Мамбу”?	29
Ноль в четверти	29

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

Пресловутая оценка-отметка... Что именно ею оценивать и что отмечать? Каковы критерии, рамки? За что конкретно ставят отметки ваши коллеги?..

Тройка – она и есть тройка, или у Пети она одна, а у Васи – совсем другая? Может ли оценка быть объективной? Так называемое “прилежание” влияет на оценку или вы ставите ее по результату?..

Не рычаг ли власти – оценка? Завышение или занижение оценки – это относительно чего? Что для вас значит оценка “отлично” – отлично от чего? А “удовлетворительно” – удовлетворяет кого?..

Ощущаете ли вы интуитивно, что (или кто) стоит за той или иной оценкой? Что хуже – завесить оценку или занизить? Кому хуже? Это “хуже” для учителя и ученика – одно и то же?..

Множество вопросов...

Оценка – штука коварная. Нет, если уметь с этим инструментом обращаться осторожно и с умом, то можно не только не навредить детям, но и помочь им. Если, конечно, оценка будет объединять детей, а не разъединять их.

Если же учителю неохота думать об этом, лучше не рисковать. С оценкой наперевес столько дров наломать можно! Тогда проще и вовсе отказаться от оценки. Или относиться к ней хотя бы с юмором.

Вячеслав Букатов и Мария Ганькина

ТОНКИЙ ИНСТРУМЕНТ В РУКАХ УЧИТЕЛЯ

Инструкция по “технике безопасности” от Марии Ганькиной

Владеть инструментарием оценок, не скатываясь к примитивной подмене его сути собственными амбициями, целями и заблуждениями, – трудно. Но можно.

В народе говорят: недосол – на столе, пересол – на спине. В педагогике чаще наоборот: лучше переоценить, чем недооценить. Когда нас, взрослых, недооценивают – это трагедия. А ребенок иногда сталкивается с этим каждый урок! И если он теряет ориентиры, то ему становится все “по фигу”. А если привыкает, то начинает приспособливаться к амбициям учителя – суется, беспокоится. Но не о работе, а о пустом – балле, престиже и о тех благах, которые за этим стоят. О мороженом, например.

Предприимчивый девятиклассник слово в слово списал пятерочное домашнее сочинение у приятеля из параллельного класса (там Гоголя “прошли” неделю назад). И получил три!

Выходит, что двое учителей одной и той же школы читают одно и то же сочинение, и один ставит пятерку, а другой – тройку.

Третий учитель (из той же школы) прокомментировал этот курьез так:

– В.Н. недавно закончила университет, и на пятерку она оценила бы разве что сочинение уровня собственной курсовой работы. А Н.В. в школе работает давно и реально представляет себе возможности того или иного ребенка того или иного возраста.

Конечно, здорово было бы так: если получил “пять”, то это везде “пять”, в любой школе и у любого учителя. Но возможен ли подобный технократизм в педагогике?

ЧТО ОЦЕНИВАЕМ

Хорошо, если у ребенка сохранная психика и он может с достаточной иронией отнестись к оценке – будь то пятерка или двойка. А если нет?

Оценка – инструмент тонкий, и владеть им, не скатываясь к примитивной подмене его сути собственными амбициями, целями и заблуждениями, – трудно.

Конечно, ребенку лучше уважать оценку, коли уж она есть. Ее необходимость проверена многими поколениями. Она – не только мнение о работе, но и цифра с росписью, которая ставится и в журнал, и в дневник. Иначе оценка бессмысленна.

Однако нам, учителям, полезно понимать, ЧТО мы оцениваем:

- способности ученика или то, как он ими распоряжается?
- талант или возможности?
- труд или результат? (А может быть, поведение на уроке?)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАПРЕТЫ

Для того чтобы и самому удерживаться от излишней серьезности в отношении оценки, и ученикам в этом помогать, хорошо бы придерживаться следующих правил (ну хотя бы стараться!):

- НЕ ДЕЛАТЬ ОЦЕНКУ САМОЦЕЛЬЮ ДЛЯ УЧЕНИКОВ;
- НЕ ПУГАТЬ ОЦЕНКОЙ, НЕ ВЫЗЫВАТЬ К НЕЙ НИ СЛЕПОГО СТРАХА, НИ РАВНОДУШИЯ;
- НЕ КАРАТЬ ОЦЕНКОЙ, НЕ ДЕЛАТЬ ИЗ НЕЕ СРЕДСТВА СВЕДЕНИЯ СЧЕТОВ;
- НЕ ПРОВОЦИРОВАТЬ ОЦЕНКОЙ СПЕСЬ В ОДНИХ УЧЕНИКАХ И ЕРНИЧЕСТВО – В ДРУГИХ;
- ОЦЕНИВАТЬ НЕ ЧЕЛОВЕКА, А ТОЛЬКО ЕГО РАБОТУ;
- САМОМУ НЕ БЫТЬ ИСТИНОЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ИНСТАНЦИИ.

Это для учителя даже не правила, а профессиональные запреты самому себе.

КТО “ПЕРВЕЕ”

Дети жаждут, чтобы их одобряли, – это очевидно. Даже если нет количественного (в виде отметки в тетрадь, дневник или журнал) выражения одобрения, дети ждут улыбки, взгляда, жеста. Ведь одобрение окрыляет.

И тут уже зависит от нас, учителей, сделать ли *себя* центром этого ожидания или устроить так, чтобы дети стали интересны *друг другу*, чтобы им было важно не столько наше одобрение или неодобрение, сколько мнение друг друга о своих работах. Тогда, может, и у нас, и у наших учеников будет меньше проблем. И число детских и взрослых неврозоз поуменьшится.

Вот обычная картина, которую наверняка наблюдал каждый из нас. И наверняка был в свое время ее участником. Сидоров выполнил задание: “Марьяванна, я уже!” Марья Ивановна подходит, глядит в тетрадку и говорит (не Сидорову – остальным “недотепам”): “Молодец! Быстро справился”.

Но вот и остальные “недотепы” наконец дотепали: “Марьяванна, у меня тоже посмотрите!..”, “И у меня!..” Возникает очередь жаждущих высочайшего внимания Марьяванны. И на Сидорова они посматривают явно недружелюбно – за то, что он “первое”.

Другая учительница в похожей ситуации предпочитает поступать так. Незадолго до того, как кто-то из “первых учеников” закончит работу, она говорит:

– Стоп! По моему хлопку все меняются тетрадками со своим соседом, отмечают в его тетради восклицательными знаками *самое-самое* (интересное, точное, забавное, экзотическое) и доделывают работу до конца.

Потом тетрадки вернутся к хозяевам, для того чтобы те оценили по справедливости вклад соседей в свою работу, – то-то разговоров будет! И может статься, соседи взглянут друг на друга с неподдельным интересом? Может быть, именно в это время они и сделают очередной шаг к тому, чтобы *ценить* друг друга? *Ценить* работу? И свой вклад в том числе?

Ученики – от шестилеток до старших подростков – с большой охотой берутся за судейство. Мы, учителя, об этом хорошо знаем, однако не спешим им доверять: “Ученикам ведь не известны все критерии – они могут судить неверно”. Так оправдываемся мы, защищая свое стремление занять место сильного, знающего, умелого, умного взрослого – среди “слабых”, “незнающих”, “неумелых”, “неумных” детей.

Между тем С.Л. Соловейчик отмечал, что учителя пренебрегают радостью учеников отвечать перед товарищами. Ученики смотрят только на учителя, следят за выражением только его лица: доволен? недоволен? Чем меньше ученики уверены в себе, тем чаще они смотрят на учителя. Если он хмурится, они окончательно запутываются. Поэтому Соловейчик, обращаясь к ученикам через головы учителей, взывал: “А давайте в поисках необходимой поддержки смотреть на кого-нибудь из друзей: доволен ли он ответом?”

ОТДАЙ СУДЕЙСКУЮ РОЛЬ

Одна учительница, решившаяся отдать роль судьбы своим ученикам, написала: “Соблазнительно не брать на себя ответственность и предложить детям самим оценить себя и своих товарищей. Но внутренний оппонент не дремлет: а если я не согласна с их оценкой? Если я считаю ее вопиющей

несправедливостью и у меня душа рвется это исправить? Я, конечно, “играю по правилам” и, поставив детскую оценку в журнал, позволяю себе лишь назвать свой вариант и обосновать его. Но не загоняю ли я тем самым детей в созданные мною же рамки? Или я формирую у них способность к объективной оценке? С чьей точки зрения объективной? Хорошо, конечно, попросить их аргументировать свое мнение. Но как часто я бываю с ним не согласна, хочу добавить или исправить! А имею ли я на это право?”

Раз учительница мучится вопросами, значит, она уже на полпути к их разрешению. Главное – учительница понимает, что оценка может таить в себе много опасностей. И хочется верить, что поэтому она уже не навредит своим ученикам.

Многие из тех учителей, кто говорит, что отказался от отметок, на самом деле все равно *отмечают*. И не только то, что им нравится, – наклейкой на обложку тетради, ручкой в подарок или просто своим одобрением. Но и то, что *не* нравится, – хотя бы отсутствием оных. И опять дети вопрошающе глядят на нас, учителей: милость или гнев обрушатся сейчас на их головы? И еще неизвестно, что хуже. Гнев – тогда школьное начальство и родители заклюют. Милость – одноклассники засмеют: выслужился, мол, отличничек.

А если почаще отдавать роль судьбы самим ученикам, то и негативные стороны отметки в виде цифири становятся не такими уж и страшными.

ТРИ С ДВУМЯ ПЛЮСАМИ

Представьте: сидят ученики по группкам-компаниям, и в каждой компании одновременно идет несуетная работа. Ребята по очереди (как жребий выпал) декламируют друг другу наизусть монолог Чацкого, заданный на дом. Остальные члены команды следят по тексту, поскольку им предстоит договориться об оценке чтецу. Судят, между прочим, придирчиво, обсуждая множество деталей. Пяти баллов явно не хватает. Попадается и четыре с двумя минусами, и три с двумя плюсами.

Никто не в обиде: ведь каждому предстоит побывать и в роли судьи, и в роли “подсудимого”. Никто не старается – как это обычно бывает, когда судит учитель – увильнуть от роли “подсудимого”. Нет и выпавших из работы. Напротив, все сосредоточены, идет разговор по делу. Их общему делу.

Учитель же, отдавший лидерство и потому свободный от выяснения отношений с учениками, уйдя в *свето-теневую позицию* (по наблюдению В.Букатова), только тогда и начинает по-настоящему *видеть* своих учеников.

А детские отметки? Учителю полезно пойти до конца и отважно проставить их в журнал. А рядом через косую линию еще одну – за суждение, которое может быть справедливым или не очень.

А вот совсем другая картина. Царственной рукой отметки величественно раздает учительница, сидя на троне в своем кабинете. А в коридоре за дверью – очередь. “Сдавать Лермонтова”. Входят по одному. Выходят – одни бледные, другие красные.

– Ну что?

– Трояк. Не могу я, как Верка, с героическим выражением.

БЕЗ ОСОБОГО ПИЕТЕТА

Если учитель не ведает о том, что оценка может превратиться в нечто разъединяющее учеников, не предчувствует ее коварства, не знает, как с ней быть, как сделать ее, напротив, началом, которое бы объединяло ровесников, – тогда ему лучше стараться обходиться без оценок. По крайней мере ущерб подрастающему поколению будет нанесен меньший.

А если начальство все же требует оценок? Что ж, пожалуйста, сколько угодно! Каждый ученик имеет право получить весь спектр отметок. Опыт показывает, что “отличнику” всегда есть за что поставить двойку, а “двоечнику” – пятерку. Все зависит от критерия. Отличник: не помог соседу – двойка “за дружбу”. Двоечник: списал без единой ошибки у соседа – пятерка “за внимательность”.

Какое начальство в силах запретить вам оптимистично и не слишком серьезно (без особого пиетета) относиться к разным двойкам и пятеркам! Глядишь, тогда и не будет в классе привычных ярлыков “отличник” и “двоечник”, которые так разобщают учеников.

ДЕТИ И РОДИТЕЛИ НА ФОНЕ ШКОЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

*Педагогические зарисовки учительницы английского
Анны Пахомовой*

Наташа

Наташу перевели в другую школу после первой четверти. А в середине второй появилась ее мама. “Тяжело Наташеньке в новой школе, а с английским совсем беда. У вас-то она твердую четверку имела и даже пятерки иногда приносила. А там из троек не вылезает”. За этим явно читалось: “Вот у других учителей требования серьезные, и оценки они ставят за реальные знания, а вы, Анна Игоревна, знаний этих дать не могли, потому и оценки ставили высокие. Да неизвестно за что”.

Не объяснять же маме, что у ее дочери память плохая. Что учительница по русскому языку жаловалась на милли-

он ошибок в диктантах. Что по литературе она текст ни запомнить, ни пересказать связно не может. Да по всем предметам проблем навалом! А тут еще я со своим английским...

А ведь если бы я тогда хоть одну двойку Наташе поставила, то мама ее гулять не пустила бы и мороженое не купила бы, а посадила бы за учебники часа на два. А толку от этого – ноль, потому как силой не долбить то, чего не дано или упущено. И просидела бы Наташа, обливаясь слезами и уклоняясь от подзатыльников, весь вечер над книгой, пытаюсь выучить десять слов, которые завтра же и забыла бы. И возненавидела бы она и меня, и английский, и все уроки, вместе взятые.

Вот и ставила я ей оценки не за реальные знания, а всего лишь за четкое выполнение работы, пусть с ошибками, но с явным старанием. Пятерками поощряла любое продвижение вперед, любую инициативу, стараясь сгладить тот страх перед плохим результатом и уверенность в собственной неудаче, которые уже прочно поселились в Наташе и произрастают на многочисленном отрицательном опыте других уроков. И результатом я довольна.

Маме я не стала все это объяснять. Да и жаль маму.

Коля

А вот с Колиной мамой все было не так. Они получили новую квартиру и хотят учиться в нашей школе, в классе с углубленным изучением языка. Классный руководитель направил ее ко мне, чтобы выяснить, соответствует ли уровень знаний ребенка нашей программе. К сожалению, сам Коля болеет, а решать надо прямо сейчас.

Спрашиваю, какая ситуация была с английским языком в школе.

– Учили, со второго класса. Оценки хорошие, бывают и четверки, но по четвертям только “пять”.

“Ладно, – думаю, – пятерка все-таки. Уж что-что, а старание наверняка есть. Берем? Берем!”

На первом же уроке вижу, что ребенок двух слов связать не может и о грамматике имеет весьма смутное представление. Позже выяснилось, что английский у них в школе вела учительница географии, а учебником была книжка с детскими стишками, которые они переписывали и учили наизусть, за что и получали свои “отличные” оценки.

Но пути обратно у меня не было. Так мы и мучились, стараясь догнать весь класс. Хорошо, что мама вовремя наняла репетитора, а мальчик оказался старательный и скоро вышел на общий уровень.

Пока Коля изучал азы языка, я ставила ему хорошие оценки за минимальный результат: ведь он-то не виноват в том, что у нас, взрослых, так все получилось!

Артем

Артем начал изводить меня сразу. Уроки он не делал вообще. Вместо диктантов сдавал рисунки самолетиков и цветочков. На устных ответах просто молчал.

Поговорить с родителями никак не удавалось: дома не застать, бабушка же разводил руками и обещал “принять меры”.

Я решила двойку Артему не ставить. Какой смысл? Для него у меня нашлась такая формулировка: “Незачет. И – вперед на пересдачу!”

Я вылавливала его после уроков и сажала за домашнее задание. Я сидела рядом с ним на диктантах и следила, чтобы он не отвлекался. Я оставалась с ним после уроков и заставляла переписывать контрольные. Он оказался удивительно способным. Когда не бездельничал, делал все прекрасно. И тогда я ставила “пять”.

Артем не сразу понял, что происходит. Он все ждал, когда же я не выдержу. Потом получил “пять” в четверти. В начале следующей четверти принес в школу новую электронную игру и сказал:

- Анна Игоревна, это ВАМ за игру спасибо.
- Как это? – удивилась я.
- Мне родители ее за пятерку по английскому купили!

Разговоры в учительской

Открываю журнал седьмого класса, чтобы выставить четвертные оценки. Смотрю на оценки параллельной группы: пятерок почти нет, в основном тройки.

– Что это они такие слабые? – спрашиваю у классного руководителя. – Вроде класс ровно делили.

– Ты что, Татьяну не знаешь? Она всегда занижает (Татьяна Витальевна – учитель той группы).

– Зачем? – удивляюсь я.

– Как зачем? Вот ребенок пойдет в другую школу, здесь у него “три”, а там – “четыре”! Родители в восторге...

А я сижу и думаю: ведь у меня-то в основном пятерки. Нет, я не либеральничая. Просто вместо двойки сообщаю: “Незачет”. И – вперед, переделывать задание, переписывать контрольную. Эту и еще чуть посложнее, до положительного результата. А в итоге – все равно хорошая отметка. Зачем страшить двойкой и ребенка, и родителей? Пусть переделает работу и получит что-нибудь хорошее – и польза будет, и тема мимо не пройдет. А троек лично для меня вообще не существует, тройка – это все тот же “незачет”...

Что ж, по-моему, все упирается в цели. Я, например, стараюсь, ни на кого не пеняя, помогать каждому конкретному ребенку, который ко мне пришел, справиться с его конкретными проблемами. А не с родительскими амбициями.

Поэтому я в учительской всем говорю: “Не слушайте родителей! Оценка – не цель, а средство. И хорошо, когда средства на пути к хорошей цели тоже хорошие!”

ХВАЛИ С УМОМ

Психолого-педагогические ориентиры от доцента Московского института открытого образования Александры Ершовой

Многие учителя знают, как трудно научить подростков встречать с достоинством не только свое поражение, но и победу. Второе, пожалуй что, потруднее будет...

Большинство ситуаций обучения строится на поощрениях и порицаниях. Известно, что дети любят, когда их хвалят взрослые. На этом основана большая часть педагогических воздействий.

Но случается, что похвала иногда обрушивается на ученика совершенно для него неожиданно. Так что ему нередко приходится крепко подумать, чтобы понять, за что же это его сейчас похвалили.

Например, ученик, готовя дома уроки, заранее заглянул в соседний параграф учебника и запомнил название следующей темы. И поэтому на уроке назвал ее безошибочно первым. Учительница же стала хвалить его... за догадливость и хорошее понимание предмета!

О ПРЕОДОЛЕНИИ ПРЕПЯТСТВИЙ

Всегда ли учитель, хваля ребенка, понимает (и если да, то насколько верно), какое именно препятствие пришлось преодолеть ребенку и на пути к какой именно цели? Это во-первых.

А во-вторых, какие положительные эмоции учитель больше ценит в ребенке? Те, что возникают при преодолении препятствий? Или те, которые были вызваны похвалой учителя?

И в-третьих, как ответы на эти вопросы проявляются в поведении учителя, в его решениях, поощрениях и наказаниях?

Любому учителю следует хвалить своих подопечных не абы за что, а за удачное преодоление препятствий.

Преодолел ученик желание покрасоваться или не закатил истерику, оттого что получил заслуженную двойку, – молодец! Настоял на своем, преодолел все препоны, уговорил, убедил – опять молодец!

Хвалить следует с умом. Взял на себя работы больше, чем другие, – молодец! А вот за то, что просто успел раньше всех, или за то, что сделал на уроке чуть больше, чем отпетый лентяй, – лучше не хвалить.

О ГОРЕЧИ ПОБЕД

В каждой педагогической ситуации – свои парадоксы, свои параметры, свои решения. За молчание иногда можно и нужно похвалить, а иногда лучше этого не

делать. То же самое можно сказать и о проявлениях инициативности, и о проявлениях смелости, и уж тем более – скромности.

Делать подопечного “героем” за каждую его победу опасно. Чувство победы должно связываться не столько с чьей-то похвалой или признанием героизма, сколько с собственной радостью.

Свои победы ученику полезно отмечать самому. Даже если их не видят (не ценят, не придадут значения) другие – ни сверстники, ни сам педагог. Ученику не надо всегда и во всем зависеть только от чужого мнения. Ведь жизнестойкость человека предполагает его способность самостоятельно держаться принятых на себя жизненных обязательств. И держаться, не рассчитывая на моральную поддержку или материальное вознаграждение.

О НАСЫЩЕННОСТИ УРОКА

Весьма поучительным является опыт Лидии Филякиной. Уже на первом уроке она устанавливала настолько насыщенный темпоритм работы, что никто из учеников не успевал выполнять все задания!

При этом задания были довольно простыми и легкими, но их было так много и они так плотно шли друг за другом, что скучать не приходилось никому. Ни отличникам, ни двоечникам! Все оказывались в бурном потоке хоть и посильных, но уж очень разнообразных дел. (См. вып. 3 “Групповая работа на уроке”, с.25–26.)

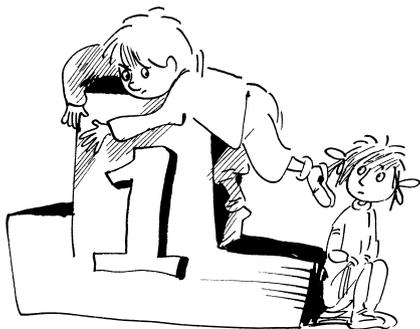
В результате у учеников формировалось представление, что на уроке нельзя пропускать ни одной минутки. Только отвлечешься, зазеваешься, как уже опоздал, уже проспал какую-то очередную работу, видимо, весьма интересную, раз соседи и справа, и слева столь захвачены ею. Захвачены именно выполнением задания, а не получением очередного учительского: “Молодец!”

О РАДОСТИ ОГОРЧЕНИЙ

Для любого ребенка желание нравиться естественно. Именно для удовлетворения этого своего желания многие ученики стремятся на любое задание выскочить первыми.

Но вот вдруг оказалось, что “выскачка” справился с заданием неудачно. Что ж, бывает. Дело житейское. Однако одни ученики в подобной ситуации обижаются, а другие – огорчаются. В чем разница?

Чувство обиды связано с неудачной попыткой удовлетворить СОЦИАЛЬНУЮ ПОТРЕБНОСТЬ – быть среди других лучшим, первым,

любимым. А чувство огорчения – с неудачным удовлетворением ПОТРЕБНОСТИ ПОЗНАНИЯ.

Какое же из этих двух желаний – быть первым, купаться в лучах славы или бескорыстно узнавать, понимать и все вокруг исследовать без оглядки на похвалу – окажется определяющим в поведении ученика? И может ли учитель как-то повлиять на ежедневную тренировку в учениках одного из этих двух желаний и подавление другого?

О РЕАЛЬНОСТИ СЧАСТЬЯ НА УРОКЕ

В интереснейшем педагогическом опыте Филякиной каждый ученик в конце концов начинал работать, не ожидая ни шумного успеха с аплодисментами, ни легких побед. Потрудись, научись, узнай – тогда, может быть, тебя похвалят.

Но и это не главное. Главное, чтобы ученику самому было интересно совершенствовать свой труд. Ведь жизнестойкость любой личности и заключается в той оптимальной направленности, в осуществлении которой не наступает пресыщения. А значит, не будет предела и для той радости, которая возникает при таком осуществлении. А это не так уж и мало.

Как свидетельствуют многие произведения искусства (и в живописи, и в литературе, и в кино, и в театре), чуть ли не единственная форма того реального счастья, которое в душе человека может приумножаться безгранично и пожизненно, есть счастье познания. И каким бы путем насыщение потребности познания ни шло – научным ли, художественным ли (каждому свое) – ни пресыщения, ни апатии, ни оскомины не возникнет. В отличие от всевозможных вариантов потребности биологической (где ограничения накладывает сама физиология организма) и потребности социальной (удовлетворение которой неизбежно ограничивается интересами других).

ПЯТЬ С КРЕСТОМ

Из размышлений учителя литературы Сергея Плахотникова

Некоторые педагоги отказываются от оценок не потому, что они такие большие гуманисты, а потому, что не знают, что с ними делать.

В 1862 году один из учителей Толстовской школы вспоминал на страницах “Яснополянского педагогического журнала”: «Когда я одному ученику поставил пять с крестом, он три раза перекрестился перед образом и прибавил: “Слава Тебе Господи, что я получил пять с крестом!”».

Всем нам неоднократно приходилось видеть, с какой неподдельной радостью встречают дети свою хорошую оценку. Одному учителю даже повезло увидеть, как ученик после урока встал из-за парты, подбежал к учительскому столу, схватил свою тетрадь и расцеловал ее на глазах у класса.

В педагогике последних десятилетий отношение к школьной оценке неоднозначно. Часто это связано с тем, что педагогика стремится стать человечнее и уйти от технократических причинно-следственных связей. Но не всегда отказ от отметок оказывается признаком подлинного гуманизма. Увы, подчас он может стать лишь прикрытием для учительской неосведомленности.

МАКСИМАЛИЗМ НАЧИНАЮЩЕГО учителя часто проявляется в отказе от каких-либо оценок. Они настойчиво заменяются какими-нибудь символами, изобретенными на ходу: например, улыбающимися рожицами в рабочих тетрадях. Некоторые утешаются пространными посланиями после каждого домашнего задания:

“Антон, не расстраивайся. Все это мелочи по сравнению с тем, что скоро лето”.

“Не думаю, что это все, на что способна твоя голова. Вот бы ее отделить от тела, она бы такие примерчики с задачками решала!”

“Чуть-чуть не дотянул до оркестра и лаврового венка!”

“Таня, твоя контрольная меня сразила наповал!”

“В низинах Нила тоже ужасно грязно, там болота”.

Ученики иногда письменно отвечают на учительские реплики – все в том же шутовском тоне. Но при этом не происходит главного: краткого разговора про работу, про значимые для учителя и учеников детали.

ПО СУТИ, школьная оценка – это акт соотнесения частного результата с результатами окружающих. Благодаря оценке ученик узнает, как он *учится и успевает* ли.

Оценка может решать несколько проблем разных уровней.

Во-первых, оценка стимулирует работу учащихся. В седьмом классе одному ученику отец так и сказал: “Закончишь год без троек – куплю компьютер”. Мальчишка с начала года ходил по учителям и выписывал все свои оценки в дневник, любая несправедливость или недогляд со стороны учителя вызывали у парня бурю негодования. Ему таки удалось закончить год без троек, он ездил с отцом выбирать компьютер.

Психологи могут возразить: мол, произошла подмена мотивации к учебу мотивацией к обладанию. Но в том-то и дело, что этот семиклассник

в течение года приобрел вкус к учебе – это было хорошо заметно по его творческим работам. С.Л.Соловейчик тонко подметил существование закодированного круга: “Человек не может заниматься с успехом, пока он не позанимается”. В конце года наш семиклассник сказал маме: “Мне нравится учиться без троек, и компьютер здесь ни при чем!”

Во-вторых, оценка отражает норму требований по тому или иному предмету. Так, к примеру, для того чтобы получить тройку по геометрии у одного из моих коллег, ученику необходимо выйти к доске и написать доказательство теоремы, снабдив его соответствующим чертежом; на четверку необходимо не только письменное, но и четкое устное доказательство теоремы; на пятерку ученик должен иметь свой вариант доказательства теоремы, при этом он может оказаться и ошибочным.

Подобный ранжир мы можем встретить у многих грамотных учителей, которые стремятся избежать произвола и ситуативности в выставлении оценки и дать возможность ученикам самостоятельно определять уровень своих притязаний в предмете.

В-третьих, оценка – это соответствие определенному социальному статусу. Отличник и троечник в наших школах – неотъемлемое звено не только в обучении, но и в воспитании. Отличник зачастую смотрит свысока, а троечник исподлобья. Отличник шагает с грамотой под мышкой, а троечник – с мятым дневником. Отличника приглашают участвовать во всякого рода мероприятиях, а троечник жметесь на альтернативной галерке.

Здесь невольно вспоминаются слова чеховского героя: “Нет, милый мой, поднимай выше. Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею”. Увы, с тех пор почти ничего не изменилось.

СТАТУС ОЦЕНОК нередко сильно зависит от отношения к ним самого учителя. Так, во многих классных журналах можно встретить несоответствие в оценках разных подгрупп одного и того же класса. У одного учителя оценки варьируют между тройками и четверками, а у другого – все пятерки. На экзамене же оказывается, что группы владеют предметом практически на одном уровне – просто учителя разные.

Да и от родителей можно слышать всякие суждения на этот счет, к примеру: “Пусть у моей тройка, но зато будет язык знать” или “Мой вкалывает, а больше тройки не имеет. Так ведь и руки опустятся”.

Школьные оценки многолики, поскольку в них видны человеческая принципиальность и беспринципность, доброжелательность и амбициозность, планомерность и сиюминутный расчет.

В ИНТЕРВЬЮ мы слышим или читаем: “Дайте вашу оценку происходящим событиям”. Когда журналист просит об этом видного политическо-

го деятеля, он понимает, что оценка – какой бы она ни была – будет значимой для читателя, зрителя или слушателя.

Когда же ученик после ответа у доски спрашивает: “Скока?” – это свидетельство явного перегиба в использовании этого педагогического средства. Красноречивое свидетельство того, что оценка превратилась в цель. И здесь начинается то, что московская учительница Лидия Филякина, воспитавшая несколько поколений учителей, справедливо называет “торговлей”.

Когда учитель в начале своего педагогического пути отказывается от оценок, то не следует слепо зачислять его в гуманисты, он просто еще не знает, что с ними делать. Ведь оценка может стать и яблоком раздора – между детьми, между детьми и родителями, между детьми и учителями. По мере же приобретения учительского опыта нам открывается многогранность оценки.

У нас, учителей, разные оценки одних и тех же событий, явлений. И наши разные или, напротив, единодушные оценки важны ученикам. Но при одном условии! – если мы оцениваем то, что нас просят оценить, а не то, что нам хочется оценить.

К сожалению, бывает и так: нас просят оценить владение материалом урока, а мы оцениваем поведение; нас просят оценить самостоятельность ученического мышления, а мы ищем в детской речи обрывки наших, учительских, умозаключений.

ОЦЕНКА “ЗА ДРУЖБУ” – звучит шокирующе, особенно для ушей подлинного гуманиста. Но давайте посмотрим, что за этой оценкой скрывалось на уроке у учителя, который не побоялся прибегнуть к ней.

Ребята работали по четыре человека в группе, выполняли задание по алгебре. Учитель попросил выполнять работу *дружно*, то есть так, чтобы цифры в клеточках были записаны *одинаково*. Дети поняли это буквально, и при выполнении работы дело дошло до того, что если кто-то что-то у себя исправлял – это приходилось копировать в своих тетрадках и остальным. Ведь дружба – вещь бескомпромиссная.

В конце работы учитель попросил группы поменяться местами и поставить соседям две оценки: *за дружбу* и *по алгебре*. И сами оценки, и их соотношение было разным. Иногда вызываям недоумение у хозяев работ. И поэтому между группами возникли разговоры. Кроме математических записей, обсуждались и еле различимые детали как общей работы группы, так и каждого в отдельности.

В результате никаких глобальных обид или претензий по поводу оценок ни у кого не возникло. Может быть, потому, что аргументы были взаимно услышаны учениками? А ученики слышали друг друга потому, что делали одно действительно общее, доступное каждому дело (писать одинаково)?

При обсуждении в группах деталей этого с виду нехитрого дела взгляд и на математику стал более пристальным, всплыли на поверхность ошибки. Появилось любопытство: а как там в соседней группе пыхтят, как там у них? Оценивать соседей поэтому было интересно. По ходу оценивания всплыли детали, которые в своей работе не замечались. Разговоры между оценщиками и хозяевами были конкретны – по поводу тех или иных деталей работы. По ходу этих разговоров выяснился еще ряд деталей, удививших и тех и других.

Оценка в их глазах приобрела объективность.

ОЦЕНКА ОТМЕТКЕ РОЗНЬ

*Полемические заметки известной московской учительницы
Лидии Филякиной*

В 1974 году Министерство образования запретило ставить отметки в первом полугодии первого класса. На мой взгляд, очень мудрое решение.

Дети приходят в школу из разных семей. Один жил свои семь лет в благополучной полной семье. За ребенком следили и заботились все члены семьи. Он мог посещать разные кружки: художественные, музыкальные, спортивные. Свободная от работы бабушка читала внуку или внучке интересные книжки, а то и вовсе научила читать. Другой был в саду. Там он тоже получил определенные знания.

А третий был брошен на произвол судьбы. Ему не покупали книг. К семи годам он не знал ни одного стихотворения. Если теперь же, с самого начала, я буду ставить им отметки, то это несправедливо.

Флажки и рожицы

Ретивые же учителя решением министерства были сильно расстроены. “Как же тогда мы заставим их учиться?” – стонали они. И тут же изобрели вместо отметок звездочки, флажки и рожицы. Некоторые флажки расцвечивались красным и черным цветом. Другие учителя наклеивали звездочки, чтобы родители могли смекнуть, какая у ребенка отметка – тройка, четверка или пятерка.

Ну и что? Вы думаете, что семилетний ребенок не станет нервничать, оттого что у соседа есть звездочки, а у него нет? Естественно, станет. Если

у него сразу что-то не получилось, то такие переживания улучшений в учебе не принесут.

Рожицы – те же отметки. Но они хотя бы не указывают цифровой результат, а только выражают отношение учителя к данной работе: доволен он ею или недоволен.

Почему же учителя так держатся за отметку? Да потому, что им надо заставить ученика. И нет в душе мысли, что необязательно заставлять, что ученик сам хочет узнавать новое и интересное.

Плеть или оценка труда?

Не секрет, что отметкой нередко пользуются как плетью. Отвлекся на уроке – 2. Не сделал задание – 2. Не подготовился к уроку – 2. Впрочем, не очень понятно, почему и за что двойка, а не кол? Неясно, что именно отмечается баллами.

Хотя в министерских предписаниях по поводу выставления отметок за контрольные работы были четкие указания: 1–2 ошибки – четверка; 3–5 ошибок – тройка; 6–7 ошибок – двойка; более 7 – единица.

Обратите внимание на то, что в инструкции выставляемые отметки не зависят от человека (ни от учителя, ни от ученика). А в классе? Все учительские отметки субъективны. Одному мы ставим “три”, другому за тот же ответ или работу – “четыре”. Это право учителя, который понимает вклад ученика в представленный отчет-ответ.

По существу, мы не отметку ставим, а оцениваем труд (а точнее, вклад) ребенка. И думаю, что мы правильно поступаем.

Как это – без ошибок?

Мне никогда не было понятно, зачем многие учителя в начальной школе требуют от ученика безошибочной домашней работы. Как же можно учиться без ошибок? Не ошибается только тот, кто уже все знает. А если знает, то зачем этому учиться?!

Тому, кто осваивает предмет, нужна наша помощь. И конечно, ребенку надо дать верное направление в дальнейшем продвижении. Откуда же мы узнаем, что для данного ребенка правильно? Да из его ошибок!

Вначале, когда ребенок делает первые шаги, его нельзя стегать, а то руки у него опустятся. Вспомним, как шагает малыш. Ручки у него выставлены, чтобы ощупывать. А уж падать – так на них. Наш ученик тоже все ощупывает, пробует!

Есть удивительная школа в Москве – “Школа самоопределения”. В этой школе отметки не ставят чуть ли не до седьмого класса. По-моему, это очень разумно.

Рука поддерживающая, а не карающая

Очень важно оценивать результат работы детей *в словесных формулировках*: “Молодчина!”, “Умница!”, “Вот это да!” и т.п. И не только произносить эти слова, но и выписывать их ручкой на тетрадных полях. Эмоциональный настрой подскажет учителю, какие слова написать.

Здесь можно отмечать не только удовлетворенность работой, но и удовольствие: “Как же это ты, а?!” Или: “Поищи в этой строчке неверное решение (или ошибку)”. Это уже совет. Советами мы будем помогать дальнейшей учебе или возврату ребенка назад, к забытому, к тому, что прошло мимо него.

Я понимаю, некоторые учителя могут возразить: это сколько же времени займет такая проверка тетрадей?! Немалое. Но зато в ней будет видно ваше равнодушие, поддерживающее и ободряющее ребенка.

“А если он не хочет?”

Считаю, что соревновательные баллы хороши для подростка. Он уже врос в школьную среду, уже умеет оценивать себя среди других. И в это время отметки не так страшны. Если в начальной школе человек научен видеть ошибки и умеет их исправлять, то во втором десятилетии жизни он сможет разумно отнестись к отметкам.

Так и слышу: “А если он не хочет?!” Или – еще хлеще: “Но он же ничего не может!” (дурак, стало быть?). Но мы же не в армии с ее девизом: “Не хочешь – заставим! Не можешь – научим!”. Хотя от второй части девиза я бы не отреклась, а подумала бы, как к ней присоединиться. Помня при этом, что учить и оценивать ребенка надо по его возможностям.

Главное в труде учителя – сохранить у ребенка желание учиться. Хорошо бы так выстраивать урок и материал обучения, чтобы им, нашим ученикам, хотелось встречаться в классе и друг с другом, и с нами, чтобы трудиться вместе.

КОНТУРНАЯ КАРТА ШКОЛЬНЫХ ОТМЕТОК

*Выстраданное мнение учительницы старшего поколения
Ольги Палёновой*

За долгие годы моего учительства я выставила великое множество пятёрок, четвёрок, унылых троек, двоек, даже колов. Что поделать? Никакой достойной альтернативы традиционной пятибалльной системе так и не сложилось.

Кому из моих коллег удавалось быть всегда справедливым, выводя отметку в журнале? У кого из нас дети не лили слезы над дневником? Кто положе руку на сердце может считать себя не причастным к скандалам, которыми родители силятся поднять пошатнувшуюся успеваемость своих чад? Мы судим и выносим в аттестате приговор, который обжалованию не подлежит. Но всегда ли мы уверены в собственной компетентности?

Кажется, ближайшая наша задача – дать ребёнку хотя бы минимальный объём знаний и навыков, которые понадобятся ему для его дальнейшего пути. В средней школе мы чаще всего действуем в рамках своего предмета, деля мир на алгебру, химию, языки, черчение. Но, оценивая успеваемость, не себе ли мы ставим отметку? В конце концов, это качество нашей работы. Может быть, это мы сами плохо объяснили, не смогли найти ключ к головам (или сердцам?).

А не иллюзия ли пресловутый *личный подход* к каждому? Хорошо, когда учитель заслуживает доверия и внимания, но на успеваемости учеников его педагогический талант может и не сказываться. Оценка, плохая или хорошая, зависит от многих факторов, но авторов у нее по меньшей мере двое – учитель и ученик.

В чем опасность

Одна и та же оценка может быть плохой, а может быть и хорошей. Даже скромная тройка, которую при желании можно интерпретировать и как досадный промах, и как маленькую победу. Но “хорошо” и “плохо” — это не школьные принадлежности вроде контурной карты и пенала, это категории нравственные, и они остаются с человеком на всю жизнь.

В том-то и трудность наша, что приходится оценивать успеваемость школьников в понятиях, мало для того пригодных, слишком общих, слишком серьезных. И привычные числительные ничем не лучше, а по мне даже хуже старинных честных *отл.*, *хор.* и *удовл.* (Десятибалльная система, позволяющая как будто проявлять гибкость и щадить детскую душу, тоже ничего не решила, а путаницу создала ту еще.)

А ведь оценка должна быть, во-первых, внятной, неразмытой, во-вторых, справедливой. Вот и получается, что, выставляя отметку, преподаватель оценивает не только уровень знаний, но и личность ребенка. Вот где опасность.

Первый опыт самопознания

Хронические двоечники – откуда они берутся? Неужели из тех милых первоклашек, которые широко открытыми глазами смотрели на классную доску и нарядную учительницу?

Начальная школа – место удивительное, как сказочный лес: и страшно, и чудно. Здесь происходит первый настоящий контакт личности с обществом, первое сражение за себя, первая попытка занять свое место, первый опыт самопознания.

Вы, конечно, наблюдали малышей в магазине накануне первого сентября? Какие они сосредоточенные, как пристально изучают все эти ручки, тетрадки, рюкзаки. А как дорожат потом своими успехами, своими новыми друзьями, хотя до настоящей дружбы скорее всего еще далеко. И мнение учительницы неоспоримо, и все глаза на нее: мы вас любим, вы для нас вторая мама.

Что ж, образ “второй мамы” выпестовывался в нашей школе десятилетиями. Конечно, именно он отвечает потребностям семилетнего малыша, который хоть и не желает больше быть малышом, но по-прежнему нуждается в любви и нежности. Разница между “первой” и “второй” мамой, пожалуй, в том, что материнская любовь безусловна, а учительница любит того, кто достоин любви, отвечая тем самым требованиям ребенка, которому уже мало просто *быть* на свете. Ему необходимо быть *каким-то*, необходимы оценка и признание. Ему, как тому цыпленку из старого мультфильма, надо срочно узнать, “что я за птица”, чтобы стать равным среди других таких же птиц, с правом на внимание, понимание и заслуженную любовь.

Удивительно, насколько трудолюбивы бывают дети в этом возрасте. Они готовы завоевывать взрослый мир изо всех сил, ценой непомерных усилий, в тех условиях, которые психологи считают стрессовыми – ведь поток нового буквально взрывает еще совсем незащитную душу. Но есть учительница, которая все может и все объяснит. Доверие к ней очень велико, гораздо больше, чем может вынести даже очень преданная детям, но усталая, замотанная женщина с минимальной зарплатой, в чей рабочий день должны вписаться человеческие судьбы. И стоит ли удивляться, что “мама” порой бывает “мачехой”?

Игра без правил

Известно, что неуспеваемость в начальной школе оборачивается для ребенка ярлыком неудачника именно из-за острой потребности в оценке. И двойка в дневнике легко перерастает в двойку *вообще* именно потому, что доверие ко взрослым еще очень велико.

Протест начнется потом, когда ребенок-подросток поймет, что его обманули. Что эти закорючки, из-за которых столько проблем, вовсе не обозначают его личные качества, что бы там Марьяванна себе ни думала. И происходит дискредитация оценки как таковой.

Помню, как мы рыдали всю ночь с моей десятилетней дочкой над первой тройкой в четверти. Через семь лет в ее аттестате троек было полно, почти по всем точным предметам, но мою гуманитарного склада девицу это мало беспокоило. Для многих школьников само по себе учение – вещь второстепенная, намного важнее для них общение со сверстниками, осознание себя в обществе. Тем более сейчас, когда не надо бояться за аттестат.

Но значит ли это, что надо отказаться от оценки вообще, перейдя, например, на систему зачетов-незачетов? Ни в коем разе! Как это ни парадоксально, но оценка, по моему мнению, необходима прежде всего там, где учитель и ученик действительно хотят добиться успеха.

Для многих детей оценка – наиболее реальный результат их труда. Ведь ученик не строит долгосрочных проектов, он учится день за днем, и для ребенка из третьего класса получение аттестата – событие столь же нереальное, как для его прапрабабушки – поездка в аквапарк.

Удерживать же всю последовательность десятилетнего процесса – дело педагога. Но урок, учитель, задание существуют для ученика сейчас, и дальний результат складывается из повседневных усилий. Хотелось бы, чтобы школьник если и не понимал, что тут происходит, то хотя бы чувствовал: да, что-то есть. И здесь оценка становится подчас единственно возможным средством подтвердить само существование *действия*, то есть обучения.

Мне приходилось не раз сталкиваться с тем, как мучились школьники, освобожденные от оценок очередным экспериментом. То ли был урок, то ли его не было. То ли это правда, то ли игра. Если игра, то какая-то странная, без правил...

Мне говорят, что правила должны придумывать сами дети, свободные и счастливые. Не обольщайтесь! Организация деятельности – задача взрослых, они обязаны выбирать и ставить цели. Когда мы пытаемся свалить это на детей, учение заканчивается и начинается халява, за которую стыдно получать жалованье.

Глупо и несправедливо заставлять ребенка заниматься делом, результата которого он не видит. В детстве есть “сегодня”, а “завтра” – красивая мечта. Не лишайте учеников возможности видеть плоды вашей с ними общей работы. Если они хороши, радуйтесь вместе, если нет – огорчайтесь. Но не оценив, что же все-таки вышло, как можно действовать дальше?

Повод к действию

Многие дети – я думаю, подавляющее большинство – просто не в состоянии учиться без оценки, теряют без нее связь с реальностью. Так пусть ребенок будет лучше двоечником, чем никем.

Оценку можно принимать или игнорировать, ей можно сопротивляться, но она всегда дает повод к действию. В искренней и простой, как все гениальное, логике детской игры есть возможность для любых ролей – и плохих, и хороших. Роли могут меняться – они не приклеиваются намертво (если взрослые не помогут). Но нет ничего обиднее, чем быть никем, остаться в сторонке. И хорошо, что “режиссура урока” подсказывает, как выстроить урок так, чтобы никто не остался в сторонке.

Ведь в школе как? На немногих стопроцентных отличников и безнадежных двоечников приходится сотни середнячков с прыгающей успеваемостью – в чем-то “секут”, что-то “ни в зуб ногой”, “три” по русскому, “десять” по геометрии. Здесь есть возможность для развития, для выбора, для осознания своих сил, для поиска и действия. Убрав оценку, что мы дадим детям взамен?

Вот я и возвращаюсь к тому, с чего начала: оценка – не просто крючок в дневнике. Она нужна – при всех ее недостатках. Но каждый учитель должен помнить, что оценка не цель, а средство, которое можно использовать как во благо, так и во зло.

А цель у нас одна – воспитание наших детей. То есть будущего, которое уже настало. И не важно, троечник перед тобой или вундеркинд. Все дети без исключения заслуживают любви и доверия. Более того – это их право, независимо от успеваемости. И если я пойму, что не могу или не хочу помогать детям реализовывать это наиглавнейшее право, с которого должна начинаться жизнь человека в обществе, – значит, меня как учителя больше не будет.

Потому что любовь к людям, большим и маленьким, и есть смысл нашей профессии, источник сил и незыблемое кредо, которому стоит следовать.

ТРИ ПИШЕМ — ДВА В УМЕ?

*“Рацпредложение” от учителя физики Владимира Егорова,
извлеченное из старой газетной подшивки*

Думаю, что двойки надо ставить обязательно. Тогда и пятерки будут настоящими. Натянутая тройка мне кажется откровенным злом. Хотя бы потому, что это вранье. Косметическую тройку можно поставить либо из жалости к ученику, либо из любви к общественному мнению, либо из бязни администрации.

Последнее – это уже анахронизм. Ну а первое и второе – в любом случае ложь, а на лжи, как известно, не возведешь здание благополучия: ни

своего, ни тем более – ученика. Да и что скажет обо мне ученик, которого я “осчастливил”? Думаю, что его благодарность будет разбавлена покровительственно-снихождительной ухмылкой. Я уже не говорю о том, как разворачивает ребенка уверенность в том, что ему все сойдет с рук.

Эти общие места знают все. И тем не менее триумфальное шествие тройки по стране продолжается. А с чего оно началось?

ВОТ ГИМНАЗИЯ времен учебы Владимира Ильича в Симбирске. Кто не знает его победное: «из истории – “пять”, из латыни – “пять”» и так далее. Вот оценка “весьма” начала двадцатого века. И наша оценка “отлично”! Равноценны ли они?

Сталинскую среднюю школу оканчивали только пять процентов от принятых в первый класс. Но именно они запустили первый искусственный спутник. Конечно, немалую роль тогда играли традиции русского образования и еще не до конца уничтоженные учителя – интеллигенты старого закала.

Но вот наступила хрущевско-брежневская пора. Система без репрессий дала сбой, и единственным средством поддерживать репутацию социализма стало вранье. А в школу оно пришло вместе со всеобучем. Разве это плохо – “бесплатное, всеобщее среднее образование”? Но эта идея, жестко реализуемая чиновниками, но не подкрепленная ни кадрами, ни помещениями, ни оборудованием, ни методикой, ни финансами, стала проклятием школы. Сколько учителей, не вынесших системы “три пишем – два в уме”, ее покинули!

Но вот советской власти нет. Почему же осталось “три пишем – два в уме”?

Причина, думаю, проста: в школе – боязнь второгодничества, в государстве же, наоборот, – боязнь отсева учеников. Да, действительно, массовое второгодничество или массовый отсев стали бы сейчас большой бедой, это очевидно. Но, на мой взгляд, можно выйти с честью из этого положения.

Вот что я предлагаю для обсуждения сначала коллегам по школе, а затем (как знать?) и широкой школьной общественности.

ВЫ, КОНЕЧНО, ПОМНИТЕ, как в наши относительно свободные времена сразу появились другие, кроме пятибалльной, системы оценки знаний (есть даже пятидесятибалльная!). Причина ясна: учителя принялись искать в оценке объективность.

Особенно мучительно для учителя, сохранившего чувство ответственности за выставленную им отметку, оценивать учеников выпускных классов – девярых и одиннадцатых. Двойки ставить формально можно, но это сопряжено с множеством проблем. Во-первых, с тем, какая эта двойка по

счету. Если их больше двух – то это не угодное никому второгодничество. Если же эта двойка единственная (или их две), то это означает дополнительный экзамен и хлопоты, связанные с ним. Дополнительные экзамены практически не добавляют знаний ученикам, просто выполняют роль некоторой экзекуции, после которой, пожуриив и посетовав, все равно ставят спасительную тройку.

Вот и получается, что в троечный диапазон попадают и откровенные разгильдяи, и ученики старательные, более или менее усвоившие программу, но не дотягивающие до хорошей оценки. Но в большинстве случаев за тройкой скрывается вопиющая безграмотность, прикрытая словечком “удовлетворительно”. Кто же получает оценку “хорошо”? Как правило, это ученик, не очень себя утруждающий, но умеющий подстроиться к учителю. Ну а “отлично” получают те, кому большей частью правильнее было бы ставить оценку “хорошо”. При этом ученики, намного превышающие средний уровень, оцениваются той же оценкой.

Где же выход? Мое мнение однозначно: нужно немедленно вводить единую десятибалльную систему оценок. Оценке “отлично” должна соответствовать “десятка”. За “десятку” должен нести ответственность преподаватель, ее ставящий. Может быть, даже ученика с такой отметкой следует освобождать по этому предмету от экзамена в вуз. Принятый по такой оценке абитуриент, не подтвердивший ее в вузе, послужит поводом для рекламации на школьный аттестат, со снижением разряда учителя, завысившего оценку.

Мне представляется важным, чтобы “десятка” и “девятка” различались, причем хотя бы приблизительно, настолько, насколько они различаются на вступительном экзамене. Это нужно в первую голову детям, чтобы ориентироваться в окружающем мире.

НЕ БУДУ ГОЛОСЛОВНЫМ и приведу в качестве примера собственный опыт выставления отметок.

Нужно оценить знания учеников по теме “Молекулярно-кинетическая теория” (МКТ). Оценку “3” я ставлю ученику, знающему (или выучившему) основные положения этой теории. Оценку “4” получает ученик, подтверждающий эти положения примерами. (Обе эти оценки поясняются словом “посредственно”.)

Оценку “5” я ставлю ученику, умеющему рассчитать число молекул в заданной массе вещества, но допускающему некоторые технические ошибки. Оценку “6” получают ученики, умеющие сделать такой расчет безошибочно. (Обе эти оценки соответствуют понятию “удовлетворительно”.)

Оценку “7” получает ученик, знающий основное уравнение МКТ и умеющий его применять при решении сравнительно простых задач. Оценку “8” получает

ученик, знающий основное уравнение МКТ и умеющий его применять в стандартных, но усложненных условиях. (Обе эти оценки имеют смысл “хорошо”).

Оценку “9” получает ученик, умеющий выводить основное уравнение и решать нестандартные задачи с некоторыми неточностями и непринципиальными подсказками учителя. Оценка “10” ставится ученику, совершенно самостоятельно делающему вывод основного уравнения и безошибочно решающему усложненные задачи. (Обе эти оценки имеют смысл “отлично”).

Конечно, нельзя упрощать действительный переход на единую десятибалльную систему. Здесь очень много работы – методической, и особенно работы учителя над повышением своей квалификации.

ТЕПЕРЬ О САМОМ ТРУДНОМ. Я предлагаю считать десятибалльную “тройку” переводной оценкой. Уровень образования от этого не снизится, если мы одновременно поднимем верхнюю планку: десять баллов действительно должны соответствовать понятию “отлично”. Сейчас эта отметка в большинстве случаев девальвирована и ставится за добросовестное усвоение государственного минимума знаний. За это надо ставить оценку “хорошо”. Вот тогда школьная оценка учеников приблизится к оценкам вступительных экзаменов в вузы. (Как часто слышишь, что выпускник в школе получил “пять”, а на экзамене, скажем, в МГУ – “два” или “три”).

Чтобы образование поднять на качественно новый уровень, нужны, конечно, большие денежные вложения. Я же на них не претендую. А всего лишь надеюсь, что мое “рацпредложение” уже сегодня сделает работу учителя более осмысленной.

(Это письмо было написано в 1980 году, когда о десятибалльной системе не принято было заикаться. Автор отправил письмо в тогдашнюю “Комсомольскую правду”, где к нему отнеслись хоть и с интересом, но не напечатали. Опубликовала его только матвеевская “Учительская газета” уже в перестроечное время. После чего автора пригласили преподавать физику в один из вновь организованных московских лицеев.)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАШИЛКИ

Записанные Марией Ганькиной со слов учителей и родителей

ДАВАЙ ЖИВОТ!

Митька дневник как-то раз дома забыл. А тут у меня на уроке музыки как назло получает пятерку. Я и говорю:

- Ой, молодец, Митя, пятерку получил. Давай в дневник поставлю.
- Нету дневника, – говорит.

– Что ж поделаешь. Значит, и пятерки у тебя... нету.
– ?!. Как же так! Я же получил!
– Если б двойку, я бы тебя завтра в школе отыскал и в дневничок-то ее поставил. А пятерку – нет. Только здесь и сейчас. Впрочем, на животе – могу. Хочешь?

– Хочу.

– Давай фломастер! (А сам думаю: может, не станет он свитер задирать?)

Нет, задрал. Поставил я ему на пузе вот такую вот пятерку фломастером красным здоровую. И расписался. И сразу же подумал: могут быть проблемы с родителями...

А Митька ходил потом по этажам – специально всем показывал. Дово-ольный! Все просто полопались от зависти.

БОРЬБА ЗА МИЛЛИМЕТРЫ

Все, что Маша произносит на уроке, – хоть и по делу, но так тихо, что это вызывает невольный протест. Учителя что только ни делали: и ухо наклоняли, и уговаривали, и угрожали. Не помогало.

Матвей Ильич думал-думал, как с ней быть, да и говорит:

– Ну что, Маша, сегодня ты заработала вот такую пятерку, – и ставит ей в дневник малю-ю-юсенькую пятерочку где-то в районе правого верхнего угла квадрата, а подпись, наоборот, рисует огромную.

Начали они, по-моему, с миллиметра. В настоящий момент размеры приближаются уже к четырем с половиной миллиметрам.

ЗАДУШЕВНЫМ ГОЛОСОМ

Моего сына двойками отучают “неправильно” понимать литературный текст. Сын перестал поднимать руку. В результате – тройка по литературе.

Спрашиваю:

– Ты почему не отвечаешь?

– Да не могу я задушевым голосом говорить. О героизме там, свобо-долубии и так далее. Девчонки могут, а я нет.

Вчера наблюдала в коридоре школы огромную *очередь* из шестиклас-сников – “сдавать стихи наизусть”. Одно радует – что не бутылки.

“Сдача” происходит обычно так:

– Аня, что это ты так бодро читаешь? Что ты тут веселого нашла? Это стихотворение овечно светлой грустью. Тройка!

– Леша, ирония здесь – кошунство. Поэт с чувством глубокой благо-дарности говорит о своей няне. Только “три”!

Вот так. На четверку и пятерку требуется владеть задушевым голосом. И читать с выражением. Что значит – выражать понимание учительницы.

СПОРИМ НА “МАМБУ”?

Две недели назад я говорю Денису:

- Спорим, диктант на “10” не напишешь?
- Спорим, – говорит, – напишу.
- На что спорим?
- На “Дядю Степу” (это конфета).

А диктант на этот раз такой: я заранее говорю каждому его номер по сборнику, дома ребята готовят текст и потом в классе под диктовку пишут.

Денис целую неделю готовился. Похоже, наизусть выучил, потому что написал на “9”.

Наш с Денисом спор разрешился при большом стечении народа. Все стояли вокруг моего учительского стола и проверяли работу параллельно со мной. Все вместе нашли две ошибки. Вернее, это были даже не ошибки, а опiski (типа вместо “е” – “ё”).

Короче, пошел Денис за “Дядей Степой”.

Тут опять подходит он ко мне на днях: “А какой у нас диктант следующий?” Пospорили на “Мамбу”.

Мама Дениса на улице ко мне подходит:

- Написали диктант?
- Нет, у нас еще урока не было.

Дети в курсе, мама в курсе. Целая, в общем, эпопея.

После урока начали читать работу Дениса хором. Нашли ошибку – в словарном слове вместо “а” “о” написал. 9 баллов. У Дениса глаза на лоб: “Я не мог сделать эту ошибку!”

Тут Никита подбегает: я тоже так хочу. Я ему говорю:

- Но диктант-то уже написан! Поздно спорить!
- Нет, спорим! Вы еще мою работу не проверяли!

Ну хорошо, поспорили. Кладет он свою тетрадь – исключительно грамотно написано. И вдруг вижу – перенос не по слогам. И еще – вместо запятой точка стоит. Понятно, что это на самом деле запятая, но графически вышла точка.

Так что в тот день я заработал аж две “Мамбы”.

НОЛЬ В ЧЕТВЕРТИ

Лида, знакомая учительница, рассказала такой случай. Во втором полугодии ей дали новый класс, и у нее никак не ладилось там с одним парнем. Дело в том, что Макс очень любил и уважал прежнего физика – мужчину. Соответственно новую физичку слушать не желал.

Лида, решив, что “с любовью не шутят”, носилась с ним всю третью четверть: как бы не оскорбить ребенка плохой четвертной оценкой. Но насильно мил не будешь, и четверть закончилась тройкой. Наступает четвертая. И вот тут Лида “сдалась”. Перестала обращать на Макса внимание, разрешила уходить с уроков и оценивала только контрольные работы, с которыми он, понятно, не справлялся.

За месяц до конца года она Макса предупредила, что в последней четверти у него не будет вообще никакой отметки. Но что он может досдать материал. Сказала – а ничего не делает, чтобы его заставить.

И вот конец четверти. Лида как ни в чем не бывало выставляет в журнал... ноль баллов!

На следующий день к ней прибегают родители Макса, которым она терпеливо объясняет, что Максу надо всего-то лишь сдать зачеты до такого-то числа и он получит свою четвертную оценку.

Однако Макс уперся рогом... А тут вдруг приходит и сообщает, что хочет сдать “хвосты”. Но тут уже Лида уперлась: “У меня времени нет. Да и зачем тебе? Ты же уже переведен в седьмой класс”.

Нужно было видеть реакцию Макса!

А потом Лида завучу так объясняла: “Мсть тут ни при чем. За что мне мстить мальчишке?! Я ведь действительно понимаю всю серьезность его любви, верности и мужской солидарности. И не менее серьезно считаю, что человеку, который упорно чего-либо не хочет, полезно встретиться с другим человеком, у которого есть свое, не менее упорное, *не хочу*”.

УДК 371
ББК 74.200
Б90

Общая редакция серии “Воспитание. Образование. Педагогика”: *М.Н.Сарпан*

Букатов В.М.
Б90 Школьная оценка : режиссура школьной повседневности в невыдуманных рассказах, неожиданных советах и нескучных рекомендациях / Вячеслав Букатов, Мария Ганькина. – М. : Чистые пруды, 2006. – 32 с. : ил. (Библиотечка “Первого сентября”, серия “Воспитание. Образование. Педагогика”. Вып. 4).

ISBN 5-9667-0213-6

Различные подходы в решении проблем, связанных с оценением учебной деятельности старших, средних и младших школьников, предлагает учителю данный выпуск. Особое внимание уделяется типичным недоразумениям и нетривиальным способам их преодоления.

“Инструкции по технике педагогической безопасности” и “педагогические страшилки” будут наверняка полезны не только начинающим, но и опытным педагогам-практикам.

УДК 371
ББК 74.200

Учебное издание

БУКАТОВ Вячеслав Михайлович,
ГАНЬКИНА Мария Владимировна

ШКОЛЬНАЯ ОЦЕНКА
Режиссура школьной повседневности
в невыдуманных рассказах, неожиданных советах
и нескучных рекомендациях

Корректоры *Е.М. Литвиненко, Т.В. Козлова*
Рисунки *Е. Двоскина*
Компьютерная верстка *Н.Ю. Кононенко*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–19078 от 08.12.2004 г.
Подписано в печать 30.06.2006
Формат 60х90^{1/16}. Гарнитурa «Таймс», «Прагматика». Печать офсетная. Печ. л. 2,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «Чистые пруды», ул. Киевская, 24, Москва, 121165
Тел. (495) 249-28-77, <http://www.1september.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Раменской типографии
Сафоновский пр., д. 1, г. Раменское, МО, 40100
Тел. (495) 377-07-83. E-mail: ramentip@mail.ru

ISBN 5-9667-0213-6

© ООО «Чистые пруды», 2006